

Навстречу V съезду писателей РСФСР

ТАЛАНТОМ ИЗМЕРЕНО

Штрихи к портрету С. ЗАЛЫГИНА

МЫ ДАЖЕ не отдаем себе отчета в том, насколько необходимо само по себе существование Сергея Павловича Залыгина в нашей литературе. Легкость и даже радость, с которой подчинились ему все роды и жанры литературы, есть свидетельство таланта большого. Количество сделанного говорит о творческой силе. А качество сделанного таково, что с годами не только не стареет, но, напротив, все более обнаруживает глубину мысли, примененной, кажется, к какому-то определенному времени, но необыкновенно ценной и для времен позднейших. Из последних работ это эпическое произведение — роман «Комиссия». Рассказавшись, казалось бы, о небольшом отрезке времени, об ограниченном круге людей, существующих на географически малой площади, писатель дал столько нравственных уроков, столько задал вопросов, причем вопросов, на которые каждый порядочный человек обязан ответить, с такой силой заставил сопоставлять собственную жизнь с жизнью тех людей, которые погибли за нас, что даже сейчас, открывая наугад страницы романа, все время ощущаешь и эти вопросы, и эту обязанность сравнения.

«Или памяти у нас, у народа, нету ни на грош ломаный, и наша кровь, пролитая по всей земле, нам ни о чем, мы и ее забыли?» — спрашивает Николай Устинов, главный герой романа.

Помню, как, выступая по Центральному телевидению, Виктор Астафьев, не сдержавшись, прочел то, как Сергей Павлович описывает землю, пахоту, труд крестьянина.

«Подумать — сколько же это мужику дано разных имен и величаний: крестьянин, хлебороб, кормилец, землероб и земледелец, хозяин, сеятель и жнец... все имена истинные.

Но больше всего правилось Устинову Николаю еще одно мужицкое имя: пахарь!»

И более ранние — «На Иртыше», «Соленая падь», милые сердцу писателя, исхоженные им в его юности тропы Алтая, которые в зрелом писательском возрасте напишутся и прочтутся с большой буквы «Тропы Алтая», и более поздние, еще не разгаданные критикой повесть «Оска — смешной мальчик» и романы «Южно-американский вариант» и «После бури» — все они с того же залыгинского предела, все те же вопросы нашего краткого бытия и вечной жизни нашей души.

Трудно и радостно я шел к Залыгину. Помню поразившую меня книгу «Красный клевер», большую часть которой занимали рассказы о Китае. Прочитанная мною в разгар «культурной революции», эта книга многое открыла мне и надолго с горечью дала понять, что к предчувствиям художника так мало прислушивается действительность. Помню знакомство с учениками Сергея Павловича, с теперешними писателями, которые вот-вот и будут определять умонастроения современности: Иваном Есеев, Георгием Баженовым, Владимиром Широковым, Гастаном Агнаевым, Расимом Гаджиевым, Николаем Исаевым, Станиславом Рыбасом, Багланисом Балашивичусом (но ведь это только формально обозначенные фамилии по семи-

нару Литературного института, а сколько учеников, так сказать, заочных, и я в их числе!). Так вот, эти парни, приходившие в издательство, где я работал, слова не могли сказать, чтоб не вспомнить Сергея Павловича. Нет, не оттого, что многим из них предсловья писал именно он, о, нет, эти ребята любили его сызвой любовью, они могли пойти за него в огонь, но вот что было тут же, рядом, — эти ребята рядом с Сергеем Павловичем петушились, показывали себя, их голоса как бы прорезались и пробовали себя именно на мнении Сергея Павловича. После одной из первых встреч, пораженный отношением учеников к учителю, я стал упрекать их, как они могли так бесцеремонно говорить с наставником.

— Но это же Сергей Павлович, он все поймет.

— Чего поймет? Вы ему слова не давали сказать!

Но тогда я еще не понимал, что удивительная способность мудреца в том, чтоб быть равным ученику, не давая его авторитетом, давать свободу волеизъявления, а если и поправлять, то не словами, а делом.

А схватка в тот вечер, помню, была о роли интеллигента и его вине за отклонения от нормы нравственности, и была в связи с книгой Сергея Павловича «Мой позз» о Чехове. Ссылки на авторитеты летали над столом во всех направлениях. Никого не перебивал только Сергей Павлович, его перебивали непрерывно. На любого заговорившего обращалось внимание Сергея Павловича, ждущее и одобряющее. Видно было, что он никак не дожидается того, что хотелось бы услышать ему от учеников, но терпение его было беспредельно. Когда все выкричались и пришли к крайнему и неутешительному выводу, что раньше интеллигент стеснялся, что кто-то живет хуже него, а сейчас интеллигенты завидуют тем, кто живет лучше их, засмеявшись, Сергей Павлович спросил:

— Но сами-то вы не такие?

— Нет!!!

— Вот видите, нас уже двенадцать. Так что не все потеряно.

И все невольно пересчитали сидящих за столом.

Ох, как он расстраивается и переживает, когда обнаруживается чья-либо необязательность, невыполнение обещания, но и тут он всегда старается оправдать виновного. Даже если окружающее общее мнение записывало кого-либо, в безнадежные, Сергей Павлович первый защищал провинившегося: «Может, он не мог иначе. Ну что вы? Вспомните Достоевского: судья виноват больше подсудимого. Пока человек жив, он может стать лучше. Ставьте себя на место других. Осуждать легче всего. Это очень плохой признак, когда кто-то считает другого хуже себя», и т. д.

КАК-ТО ВЕЧЕРОМ мы шли с ним сквозь березовый лес, и я стал говорить о совсем молодых писателях (не о его учениках, они уже все члены Союза писателей), и он жадно слушал, переспрашивая и повторяя каждую новую фамилию и требуя пересказа содержания рассказа или повести каждого. Слушал, опустив голову, а в конце заметил:

— Печататься хотят, это понятно. Лишь бы думали. Лишь бы не ехали потом на первых книгах. Если даже ребята талантливые, это еще только заявка. Талант, не испытанный на прочность, — только предпосылка к таланту. Надо идти на испытание, на риск. Что есть первая книга — праздник? Или упреждающий гром над головой? Вот в моем семинаре начинали учиться тридцать один человек, а закончили двенадцать. Считаю это совершенно нормальным.

Но ведь и этим двенадцати, уже издающимся, уже становящимся известными, Сергей Павлович в одну из других встреч (это было после записки на видеоопенку для телевидения передачи о молодых писателях, когда Сергей Павлович представлял зрителям питомцев своего гнезда) сказал:

— Вы еще никакие не писатели. Что из того, что вы печаетесь? Мало ли чего печатается! Будете писателями только тогда, когда согласитесь под тяжестью ответственности за эпоху, когда будете поддерживать и по мере сил возвышать нравственный свод современности.

— Но вы же только что нас расхваливали на всю страну!

— А вы что, забыли завет Пушкина — поддерживать своих единомышленников, но наедине говорить правду? Я вас авансом хвалил. Извольте теперь отбавывать.

Что есть гражданственность писателя?

Говоря словами Сергея Павловича, это ответственность писателя за современность. Не забыта писателями и читателями двухгодичной давности конференция «НТР и писатель». После доклада Д. Гранина выступал первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков. И почти все выступление он посвящал высокому подвигу Сергея Залыгина, который в одиночку начал борьбу против строительства Нижне-Обской ГЭС, то есть против затопления (заболачивания) сотен квадратных километров нашей земли.

Среди наших разговоров с Сергеем Павловичем часто бывали и чисто литературные, о товарищах по перу, о старших, уважаемых и почитаемых — о Твардовском, Распутине, Белове, Платонове, потом о Гоголе, Достоевском...

Любимая для многих книга Сергея Павловича — книга «Литературные заботы». В ней он сам (используя его же выражение) — как на рентгене, со своими симпатиями и антипатиями.

Председатель комиссии по наследию Василия Шукшина, он providчески заявляет: «Все то, что критики не очень художественно называют «художественным разбором» произведений искусства, для творчества Шукшина еще впереди. Время для них еще не настало, оно, может быть, только-только настает».

Секретарь правления Союза писателей РСФСР, председатель Совета по русской прозе, он постоянно озабочен ростом писателей-немосквичей, озабочен на деле, всерьез...

Уроки Залыгина неисчислимы, но конечная цель их одна — писатель должен быть гражданином своего Отечества. И хотелось бы, чтобы его заботы скорее становились заботами его учеников.

Владимир КРУПИН.

«Я ПОСРЕДИ СВОЕЙ СТРАНЫ...»

Молодые поэты Свердловска... Стихи их родились в самой гуще жизни. Это и понятно: столяр, монтажник, сварщик, библиотекарь, — таков далеко не полный список профессий, оставленных ими за спиной, или тех, с которыми они не расстаются и по сей день. Авторы твердо стоят на матушке-земле. Отсюда и первые, несомненные успехи. Гражданский темперамент, живой интерес к движениям человеческой души, — все это в лучших произведениях молодых есть и обретает силу. О чем бы ни писали эти люди, стихи их никогда не сворачивают на боковые тропинки поэзии, ибо продиктованы прежде всего горячей убежденностью сердца.

Свердловск.

Герман ИВАНОВ
На границе
«Европа—Азия»

Я посреди своей страны
Стою в поникших травах.
Европа
С левой стороны
И Азия —
Направо.
Мой первый крик,
Мой первый след —
Здесь,
Где по белу свету
Проходит становой хребет
Седого континента.
Здесь
«Уралмаша» сложный ритм,
Тяжелый гуд Магнитки,
И солнце алое горит
Стальным
Слепящим слитком.

Яков АНДРЕЕВ

Тишина

По листьям ступая неслышно
И слух напрягая вдвойне,
Лосиха из сумрака вышла,
Не веря лесной тишине.
И, тенью застыв среди сосен,
Так долго смотрела в зенит—

Михаил НАЙДИЧ.

Туда, где пустынная осень
Во всем мирозданье стоит.

Сергей ЖИВУРОВ
Снегири

В зимний день,
Когда крепчала стужа,
Стыла хата, как ее ни грей,
Мать моя из дома шла
наружу —
Покормить любимых снежирей.

Зерна им пшеничные бросала,
В недород — ячменную труху...
И не раз от гибели спасла
Снежирей, озябших на снегу.

И пока земля цвела снегами,
Под окошком
В самый злой мороз —
Угольки теплые мигали
На ветвях заснеженных берез.

Валентина АНУРЬЕВА

Счастье

Я все гадала, где оно,
В которой стороне,
И суждено — не суждено
Ему прийти ко мне.

А солнце бродит по лугам,
Врывается во тьму.

А счастье просится к рукам
И сердцу моему.

В готовом виде счастья нет,
Но слав его готов.
Так белый свет — не белый
цвет,

А семь других цветов.

Снег

Чем только он казаться
не горазд,
Каких себе не позволяет
шуток:
То был похож на синий
пенюпласт,
То притворялся белым
парашютом.

То он срывался звездами
с небес,
То опускался тюлевой
гардиной.
Он яблоневым сделал хвойный
лес

И любовался собственной
картиной.

Он села засыпал и города,
Но вдруг он вспомнил:

суть моя — вода.

Он вспомнил труд надежный,
черновой —

Спасать других от засухи и
жажды,

Он позабыл недавний гонор
свой —

Не лез в глаза, не хвастал.
И однажды

Веселый дождь по крышам
застучал,

Медведь к лесному вышел
водопою...

И снег никто уже не замечал.
Но он доволен был своей
судьбою.